

17 сентября 1964 года

Разговаривали между собой два почтенных пассажира авиалайнера, совершавшего плановый рейс Цюрих — Амстердам, на... латыни! Конечно, многие разведчики в мире знают по несколько иностранных языков, но латыни! В связи с тем, что по инструкции им о предстоящей операции на людях говорить строго запрещалось, они беседовали на мертвом языке, который могли расшифровать разве что аптекари, если бы они очутились рядом. Но даже по-детски развлекаясь, израильские разведчики с паспортами Кипра, где не было указано, что они работники спецслужбы «Моссад», а, наоборот, было сказано, что они бизнесмены, — о делах не забывали. Однако бизнес их был несколько специфического толка. Это были боевики. Ликвидаторы.

Во время войны в британских войсках действовала Еврейская бригада. В 44-м, ближе к концу войны, англичане создали внутри бригады специальное подразделение под названием «Ханокмин» (на иврите — «Каратели»). Бойцы этой части должны были искать нацистских преступников, отлавливать их и — если захватить не могли — казнить на месте. Как только на освобожденной территории удавалось выявить какого-

нибудь эсэсмана из концлагеря или служащего гестапо, его пытались выманить из дома, вывозили в ближайший лесок, зачитывали приговор и тут же приводили его в исполнение. Среди казненных были немцы, латыши, французы, поляки, русские и даже евреи, чьи доносы или содействие СС были доказаны и задокументированы.

Правда, однажды, в 44-м году в Венгрии, «Ханокмин» поймал двух высокопоставленных нацистов и передал их советскому оккупационному командованию. К ужасу «карателей», после короткого допроса немцев из комендатуры спокойно отпустили. «Ханокмин» расстрелял их прямо на ступенях русской миссии и с тех пор никакими экстрадициями Красную армию уже не баловал. За последний военный год боевики таким образом уничтожили более тысячи человек.

Двое летящих в Амстердам «киприотов» были лучшими исполнителями «Ханокмина». В Израиле их профессионализм не забыли и пригласили по специальности в Институт разведки и специальных задач, сокращенно «Моссад». Что и говорить, «специальных задач» у них было немало... Стоит заметить, что за последние двадцать лет они стали неплохо работать не только пистоле-

том, но и мозгами. Один из них родился в Польше, другой в Аргентине. Говорить за границей они должны были по-английски и по-французски. Но они столько лет работали вместе, что позволяли себе немного нарушать инструкции.

Увы, один из исполнителей «Моссада» был слегка пришиблен исполнением смертного приговора еврею...

Вот так об этом было написано после: «1 июля на окраине небольшой деревушки Бейт-Еэц, расположенной на шоссе Тель-Авив — Иерусалим, на усеянном камнями поле, под четырехсотлетними оливами стоял скованный наручниками человек. Напротив него стояло шесть человек. Один со старой английской винтовкой, другой с чешским автоматом, еще двое других держали в руках чуть ли не музейные экспонаты — ружья, сделанные в Германии, наверное, до Первой мировой войны. Некоторые солдаты были одеты в заплатанную военную форму, другие — в спортивную одежду, а на ком-то были так называемые лыжные куртки русской армии. Осужденным был капитан израильской армии Меир Тобианский. Приказ о его расстреле за измену отдал коменданту местности прибывший лишь вчера поздно вечером один из старших офицеров... Солдаты дали неровный залп...»

Один из двух пассажиров авиалайнера тогда и стоял в шеренге залпового огня...

За сутки до отлета в Швейцарию они последний раз обсуждали детали предстоящей операции в кабинете главы «Моссада» Исера Хирела. Хирел (настоящая фамилия Гальперин, родился в Латвии, в 1930 году эмигрировал в Палестину; за ударный и самоотверженный труд в первых кибуцах получил прозвище Стаханович — по имени советского ударника труда Алексея Стаханова и его последователей — стахановцев) сказал:

— Я еще не знаю, что эти два молокососа хотят делать в Германии и Голландии, но мы должны это знать.

— У нас есть досье на них?

— О фашистенке очень мало... Так... А о чекисте — вообще ничего. Все перебежчики, все наши друзья в Америке и Франции его не знают. Полная темнота. И вообще, начальство не очень верит и голландским источникам. Увы, проверить мы ничего не можем. Кстати, потому вас и посылаем. Вы готовы?

— Да, шеф, все проработано: финансирование, документы, связь, оружие.

— Ну-ну, — недовольно буркнул коротышка — начальник спецслужбы Израила. — Все так вначале говорят, а потом...

Агенты ничего на это не сказали. Курящий со-средоточился на пирамидке пепла своей сигариллы, черной маленькой аргентинской сигары; некурящий разглаживал складки на брюках. О чем говорить с шефом, если он бесится? Он всегда бесится, они всегда работают.

И вот два солидных господина летят через Альпы к побережью Северного моря. Гуляя два часа назад по запутанным улочкам швейцарского города, они с недоумением обсуждали свое задание. В последнее время их почти перестали посылать на акции устранения. Когда это было в последний раз? Два года назад? Нет, три! Целых три. В Парагвае. Гестаповец из Лодзи. Поляки называют свой город Вуджь... К чему бы мы этак раскисли? Нет настоящей работы! Помнишь, в срок шестом? Еще бы! А тогда, в Норвегии? Это с тем длинным, что держал трех овчарок? Ага, по собачкам мы его и нашли. Хорош, гад! Из Треблинки. Старый ты дурак: он был из Майданека! Сам ты идиот, я же говорю, что из Треблинки! А!.. На!..

Теперь они больше занимались слежкой, устрашением. Но это не убийства. Последний раз они прокололи шины какого-то форда! Как вам боевая задача?! Профессионалы были возмущены таким бездарным распоряжением их талантов. Они недовольно ворчали: «Послали бы лучше на это дело двух десятилетних арабов, они бы за полчаса всю машину разобрали на куски...»

И так далее.

— Бауман, знаешь, что такое по-русски «Моссад»?

— Нет. Что?

— Сокращенно — «Московский сад имени Баумана».

— Смешно.

— Смешно другое: такой сад действительно в Москве есть!

— Иди ты?!

— Клянусь детьми!

— У тебя же нет.

— Ну и что?! Интересно, пошлют нас когда-нибудь в Россию?

— Языка не знаем. Я про такое не слышал.

— В Чехословакию же посылали.

— Ну, там другой режим... А вообще-то про Россию — это любопытно... Летят же чекист и бывший немецкий полицай вместе. Чем черт не шутит...

— Хочешь анекдот? Спрашивают: чем отличается работа в гестапо от работы в НКВД?

— Чем?

— В России холоднее!

Двое убийц весело рассмеялись, при этом один из них, хохоча, пообещал купить для поездки в Москву теплые очки...

ГЛАВА XIV АМЕРИКА

30 июня 1964 года

Директор ЦРУ Джон Алекс Маккоун всю жизнь был штатским человеком, хотя и работал до разведки заместителем министра обороны и ВВС США. Но должности в Северной Америке эти гражданские. Он заменил Аллена Даллеса в 61-м после провала кубинской операции в заливе Кохинос.

Даллес прошел в УСС, а потом и в ЦРУ всю служебную лестницу: от агента во Франции, резидента в Швейцарии и заместителя директора до главного кресла и был первым некадровым военным после четырех генералов и адмиралов-предшественников. Маккоуну было неуютно в аппарате, созданном Даллесом под Даллеса, он чувствовал внутреннее сопротивление сотрудников. Не скажу, чтобы это был откровенный саботаж, но его подчиненные не надрывались на работе на нового босса-мямлика (по их мнению). Дисциплина расшаталась, в разведке шли провалы...

Маккоун позвонил Даллесу:

— Аллен, это Джон Маккоун... Как вы? Пишете?

— Нет, сейчас все больше работаю в комиссии Уоррена по убийству президента. Мы же с вами встречались в прошлом месяце, Джон.

— Да, да... А не могли бы еще разок, Аллен?

— Ну конечно. Скажем... через неделю, а?

— Простите, Аллен, я бы хотел вас попросить пообедать со мной послезавтра. Как?

— Хм... Джон, вы не подумайте, что я кокетничаю... Может, все же в другой раз?

— Хм... Аллен, я бы все же попросил. Это очень важно.

Даллес помолчал, немножко мстительно подержал в напряжении своего преемника, назначенного Кеннеди так оскорбительно мгновенно. Даллеса и Маккоуна не объединяли ни студенческое братство (первый окончил Принстонский и Вашингтонский университеты, а Маккоун — Калифорнийский), ни корпоративные интересы: Даллес юрист, а Джон Алекс управленец. Ни даже близкое знакомство в столице.

— Хорошо, Джон, — наконец согласился Даллес. — Где и когда?

Они договорились о встрече в ресторане «Плаза». Встретились два профессора, седые, в круг-

лых старомодных очках. Даллес похудее, Маккоун сполотнее. После ничего не значащих первых фраз, выбора блюд и напитков новый директор ЦРУ обратился к прежнему с вопросом:

— У нас в школе в Кэлт-Пири... Я знаю, все называют ее «фирма»... Так вот, мы испытываем проблему с подбором кадров. Молодежь не хочет идти в разведку, романтика уже не действует, денег мы платим немного. Предложить им поездки в Непал или Колумбию? Они и сами могут туда поехать когда захотят. Одним словом, Аллен, у нас нет перспективного пополнения. Мы растерялись. Тем более европейцы рассказали о новых происках наших русских друзей: Институте Западной Европы.

Даллес раскурил трубку, слушая Маккоуна добродушно и подчеркнуто внимательно. Наконец, убедившись, что коллега высказался, взял слово:

— А зачем вам, Джон, большое количество агентов? Техника развивается так стремительно, что мы можем слушать в эфире половину мира и анализировать прессу противника силами внутренней службы. Зачем вам эти переброшки, легенды, шифровки? Ведь к секретному сотруднику предъявляются огромные требования! Это — хорошо разбираться в людях, умение ладить с людьми в тяжелых условиях; научиться отличать факты от вымыслов; отличать существенное от несущественного... Проявлять любознательность, быть человеком весьма изобретательным, уделять надлежащее внимание деталям. Обладать способностью выражать свои мысли кратко и, что весьма важно, интересно. Знать, когда следует хранить молчание...

Я, например, уже не гожусь для такой работы, — усмехнулся Даллес, — слишком много в старости говорю... У человека, влюбленного в себя, есть то преимущество, что у него мало соперников... Но ведь, Джон, вас, вероятно, не совсем кадровая политика интересует?

Маккоун спокойно выслушал маленькую лекцию легендарного разведчика и вынужден был согласиться с его пронительностью: не о кадрах он хотел с ним поговорить.

— У нас есть агент в Нидерландах, маленький чиновник в местном Департаменте безопасности...

— Наш нелегал или местный?

— Местный, он работает за деньги. Он передал информацию, что русские что-то затеяли с курируемыми нами эмигрантскими радиостанциями в Европе.

— Что, опять убийство? Похищение? Взрыв? Какие-нибудь еще нежелательные чудеса?

— Не знаю. Не знаю также, что нам делать.

Даллес затянулся, не сводя внимательного взгляда с директора ЦРУ.

— Тем более что на радио «Свобода» работает ваш зять...

Зять не работал в «фирме», он занимался в Европе финансовыми вопросами, но его приняли на работу только в прошлом году, и Даллес не должен был знать штатного расписания радиостанций — это была секретная информация. А он вот знал! Знает, кто-то передает ему такие сведения. Если ему их сообщают бесплатно, то почему всем остальным не могут сообщать за деньги? Нет, надо немедленно ужесточить внутреннюю контрразведку!

А Даллес вроде и прочел его мысли:

— Не напрягайтесь, Джон, это я узнал случайно. Я не держу кротов в вашем огороде.

Маккоун промолчал, так как считал, что мастер шпионажа нагло врет с показушной убедительностью профессора-адвоката.

— Вроде бы Хрущев запретил подобные акции, нет?

— Да, запретил. На бумаге. Но что в голове у этих парней на Лубянке?

Два экс-ученых помолчали, так как все время задавали себе подобный вопрос.

— Но ведь станции довольно прилично охраняются, Джон.

— Скорее всего, у них есть кто-то внутри. Конечно, мы ужесточим режим. Сообщим немцам, предупредим сотрудников... — раздумчиво произнес Маккоун.

— По-моему, зря.

— Почему же?

— А что плохого в теракте? Ведь у вас будет хороший козырь. Например, чтобы увеличить бюджет «фирмы». Разумеется, уберите Тома из Мюнхена... Все думают, наивные, что наша война Севера с Югом закончилась давно. О нет! Она только начинается, особенно когда англичане оставляют на свободе одно мусульманское государство за другим...

Помолчали еще, дождавшись, когда официант переменит приборы. Новый начальник шпионского ведомства демонстративно замкнулся, но пошедшего сотрудника сервировки и салфетки не сразу заметил его визави. Маккоун самодовольно улыбнулся, зная, что официант — штатный сотрудник ЦРУ. Когда свою секундную оплошность заметил и Даллес, то он, словно прочтя самодовольство новоиспеченного директора (штатский хряк, который обыкновенную проститутку бы не смог вербнуть на улице!), не повел и бровью намекнуть, что этого халдея наняли в Службу по еще его распоря-

жению. Директор, однако, вернулся к тону строгому, академическому, спросил экс-директора:

— А что делать с русскими?

— Вы знаете, славяне вообще очень творческие люди, театральные. Посмотрите, что они придумают, проанализируйте их поведение, ход операции. Обкатайте на них молодняк. Пока в Германии не появились русские исполнители, зашлите в Баварию полк своих работников... В конце концов, награждая хороших, мы тем самым наказываем плохих... Настоящий детектив только от рыбы не сможет получить признания...

Обратитесь к англичанам: они только что заловили советского нелегала Гордона Лонсдейла, якобы англаизированного канадца. На самом деле он полковник КГБ. Держите его на всякий случай. Вообще, сейчас в мире практически нет нелегалов. Кроме, разумеется, русских и китайцев. Нашим ребятам будет интересно посмотреть на «живых шпионов». Как правило, это весьма интересно... Знаете, Джон, я всегда был поражен, что нелегал никогда не похож на киношпиона. Я помню, в Швейцарии работал с одним немцем, тайным противником Гитлера. Агент Люси. Не видели материалы на него?

— Нет, Аллен.

— Я ждал его за столиком кафе, уже зная, что он приносит головокружительную информацию из немецких штабов всех видов вооруженных сил. Герой, одним словом. И вот появляется он собственной персоной. Трудно представить себе человека, менее всего похожего на Джеймса Бонда: не бросающийся в глаза, среднего роста, примерно пятидесяти лет, с мягким взглядом глаз, моргающих за стеклами очков. Он был именно тем человеком, какого можно почти наверняка встретить в пригородном поезде в любой части света...

Молодым ребятам в «фирме» будет очень важно поработать с настоящими профессионалами: это их мобилизует.

— А что в результате делать с этими профессионалами? Война с русскими?

— А чем это плохо?! Относитесь к миру философски, Джон. А философия и начинается с удивления...

ГЛАВА XV НАПИТКИ ПОЗНАНИЯ ДОБРА И ЗЛА

21 августа 1964 года

В приемной кабинета начальника советской разведки никакой публики не толпилось: все приглашенные на совещание по поводу операции в

Мюнхене находились в отдельных кабинетах (не своих, а у коллег) в ожидании приглашения пред светлые очи жгучего брюнета-генерала. Секретарь и помощник начальника по приказу шефа выбегали из предбанника и по одному приводили нужного сотрудника.

В самом кабинете сидели три человека. Сам хозяин апартаментов, начальник Отдела германоязычных стран генерал-майор Андрей Максимович Алданников и резидент КГБ в Западном Берлине (он же представитель «Аэрофлота» в этом свободном городе) полковник Смолянинов.

Поскольку начальник заграничных операций Комитета был шестым человеком в организации (после Хозяина, двух первых заместителей, начальников политотдела и отдела кадров), то ему полагалась не только комната отдыха при служебном кабинете, но даже и спальня. Такая вот квартирка в этом суровом здании.

Приглашенных на совещание вызывали не к полированной столешнице кабинета, а в уютное кожаное нутро комнаты отдыха. И это была не прихоть начальника. Требовалось создать некую семейную атмосферу. Мол, родственники просто советуются, а не одни приказывают другим взрывать и убивать. Дело в том, что секретариат ЦК КПСС особым закрытым постановлением запретил разведке проводить боевые акции за рубежом. После убийств Бандеры и Ребета нашими исполнителями на Западе подняли хай. Никита Сергеевич, который очень чувствительно относился к мнению их прессы и парламентов, строго настроено запретил КГБ проводить спецоперации. Вот по какой-то извращенной логике и выходило: сиди они на Лубянке за официальным столом — это приказ, а в креслах комнаты отдыха — вроде тебе отвлеченный треп ни о чем. Постороннему это показалось бы чесанием правой рукой левого уха. А тут — свои примочки, свои церемонии.

С другой стороны, когда в Кремле заходила речь об эмигрантских радиостанциях, Хрущев буквально брызгал слюной, топал ногами на председателя Комитета и жутко матерился.

То же самое проделывал Семичастный с начальником своей зарубежной разведки. На корректные замечания генерала, что такая охота запрещена, перед всей коллегией КГБ пред вопил не хуже Никиты.

— ...мать! ...в рот!

Пережив собственный припадок, Семичастный обратился к людям уже нормальным голосом:

— Что делать?!

— Но, Владимир Ефимович...

— Молчать!

— Слушаюсь!

— То-то!

Посоветовавшись позже уже со своими близкими подчиненными, главшпион решил на подарок секретариату ЦК и лично дорогому Никите Сергеевичу.

— Андриуша, доложи, что там в твоей Германии идут за ликвидации? Кто шерстит по амбарам? — спросил начальник разведки КГБ.

Алданников понимающе кивнул:

— После войны усташа Павелича, активно сотрудничавшие с фашистами, массажи бежали из Югославии. Но не успокоились и не затаились, вроде бывших наших или немцев, а принялись за активную террористическую деятельность. Они дислоцируются в Австралии, Германии, Аргентине и США. Так, в Канберру, Австралия, прилетел замминистра иностранных дел Югославии Владимир Ролович, чтобы выразить официальный протест против взрыва югославского консульства и отделения банка. Австралийские власти предупредили о визите начальников усташеской боевки...

— Подонки!

— На Роловича было совершено покушение. Но убили они его только в следующем году, когда Роловича назначили послом СФРЮ в Швеции. Застрелили прямо на улице в Стокгольме. Об этом с гордостью написал главный редактор усташеской газеты «Спремености» Фабиан Ловокович. Он же открыто сообщил, что база боевки находится близ города Вудонг, провинция Виктория. Югославы подняли скандал в ООН, и австралийцам пришлось немного свернуть террористов. Тогда их деятельность перенеслась в Европу. В основном к «нам», в Германию. Я имею в виду, конечно, ФРГ...

— И к нам, в Западный Берлин, — вставил полковник Смолянинов.

— Так вот, — продолжил Алданников, — боевики усташей захватили самолет югославской авиакомпании «ЮАТ» «Ди-Си-9» в Стокгольме и взорвали его над Чехословакией. В живых осталась одна стюардесса-черногорка. Она без парашюта упала с высоты три тысячи триста метров и осталась жива, представьте!

Начальник разведки не развеселился от этой новости:

— Ее бы в Книгу рекордов Гиннеса занести.

Аэрофлотовец из Западного Берлина вставил:

— Так ее и занесли в нее, товарищ генерал.

— Дальше.

Алданников:

— Они угнали самолет рейса Чикаго — Париж, заставили его сделать круг над Лондоном и раз-

бросали с него листовки со своими программами и угрозами. Потом дело переметнулось в самую Югославию, последовала целая серия взрывов в кинотеатрах, а потом бомба рванула на железнодорожном вокзале Белграда...

Генерал Леонов сам взорвался не хуже адской машины:

— А что же делала УДБА?!

— Их спецслужба... УДБА... приняла решение направить своих исполнителей в главные центры усташеской эмиграции, в частности в Мюнхен. Эти ребята провели одиннадцать успешных ликвидаций, и эмиграция сразу приумолкла, взрывы и другие теракты мгновенно прекратились. Если Владимир Ефимович хочет погугать ЦК, я составлю справочку...

Шеф разведки судорожно оглянулся:

— Тише, тише, Андрей!

— Да я понимаю...

Смолянинов тоже долил:

— И я бы материальчика подкинул. Наш агент достал ежегодный отчет западногерманского федерального ведомства по охране конституции. Красиво издано, как пастила какая-нибудь: розовые страницы, голубые, желтые...

— Вы поконкретнее, поконкретнее, полковник, — остановил умильный монолог начальник.

— Нет, просто так удобно. Так вот, желтые страницы — о террористах на территории Германии. О венграх, румынах, турках, армянах...

— А о наших?

— Есть немного. Подверстать к справочке Андрея Максимовича?

— Угу, — кивнул задумавшийся генерал Леонов. — Ты в их списках есть?

— Конечно. Место-то продувное...

— Об этом не пиши.

Резидент понятиливо кивнул:

— Слушаюсь. Только вот незадача: почти все эмигрантские центры находятся в Баварии. Но и их контрразведка — БНД — располагается под Мюнхеном, в Пуллахе.

Начразведки посмотрел на своего «немецкого» заместителя:

— Андрей, в Пуллахе ведь есть наш человек?

— И не один. А у гэдээровцев там чуть не половина сотрудников. С немцами проблем не будет. У них есть и в МАДе, военной контрразведке ФРГ, свои люди, и в БКА.

— Про те я слышал, а БКА — что такое?

— Федеральное уголовное ведомство. Начальник «Штази» ГДР генерал Магнус Вольф всадил своего человека даже в аппарат федерального канцлера. Но с нами делиться не хочет. Я писал докладную...

— Да, читал. Вот что, ребята, активизируйте все наши оперативные возможности по ФРГ, Западному Берлину, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейну. С ГДР разберемся особо... Надо провести две акции — отвлекающую... взорвем какую-нибудь студию радиостанции «Свободная Европа», скажем, чехословацкую... Вторая акция — боевая, «Радио «Свобода», с жертвами! Первый секретарь ЦК нас показушно высечет, а потом и наградит — все будет зависеть от того, как пройдут акции, какой поднимется шум на Западе, что мы отдадим туда... Кто у вас, Андрей, работает по второму варианту?

— Полковник Солнцев и агент Барон.

— Они здесь?

— Так точно, ждут.

— Это их маршрут внедрения через Голландию? — припомнил начальник.

— Да.

Генерал потянулся к интеркому:

— Сергей, полковника Солнцева сюда.

Шеф подошел к горке и открыл дверцу богатого бара:

— Что будем пить, товарищи офицеры и генералы?

— Водку! — одновременно пожелали офицеры и генералы.

— А я, с вашего позволения, бордо.

«Пижон хренов!» — одновременно решили товарищи офицеры и генералы. А генерал Алданников вспомнил стишки одного своего сотрудника в киевском управлении, посвященные нетрадиционной ориентации русского человека на дамские напитки:

Вино для неслабых арабов
заказано грозным Кораном.
И то: представляю, Аравия,
себя и свой емкий портфель,
в нем — брр! —
раскаленный портвейн!

Действительно, брр...

Продолжение следует.